

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ РАСКРЫТИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЭРИКОМ ДАРДЕЛЕМ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-60-65>

М. А. Григорьева

Издательство «Ставролит»,
Ставрополь, Российская Федерация,
e-mail: info@stavrolit.ru

Аннотация: В статье исследование предполагает ёмкое и точное погружение в феноменологию «географического пространства» через забытую и долгое время игнорируемую работу Эрика Дарделя «Человек и Земля: природа географической реальности», которая была опубликована в 1952 году. Обращение к ней стало возможным благодаря Эдварду Релфу и его адаптированной версии первой главы книги, переведенной им в 1973 году и представленной для доступа в 2022 году. Феноменологическое раскрытие географического пространства рассматривается в значении пространственного поведения человека и актуализации взаимодействия его с окружающим миром как способ проникнуть в суть этого процесса, где в бесконечной трансформации человек и среда вынуждены отвечать на вызовы друг друга. Феноменологический взгляд на географию актуализирует аспекты миграционных и экономических потоков, потоков товаров и информации, включая образы пространства в единое поле человеческой жизнедеятельности. В результате изучения работы «Человек и Земля», удалось выделить характерные сущности, которыми Дардель наделяет пространство: коммуникативность среды, ее динамичность и направленность, пространственная глубина и дискретность поля.

Ключевые слова: географическое пространство, феноменология, Эрик Дардель, природная и искусственная среда обитания, человеческая пространственность.

Для цитирования: Григорьева М. А. Феноменологическое раскрытие географического пространства Эриком Дарделем // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 60–65. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-60-65>

PHENOMENOLOGICAL DISCLOSURE OF GEOGRAPHICAL SPACE BY ERIC DARDEL

Marina A. Grigorieva

Publishing house "Stavrolite",
Stavropol, Russian Federation,
e-mail: info@stavrolit.ru

ГРИГОРЬЕВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «KANT»,
Издательство «Ставролит»

GRIGORIEVA MARINA ANATOLIEVNA – CSc in Political Sciences, Chief-editor of the scientific journal
«KANT», Publishing house «Stavrolit»

© Григорьева М. А., 2023

Abstract: This study offers as comprehensive and precise an insight as possible into the phenomenology of “geographical space” through the forgotten and long-ignored work of Erik Dardel, *Man and Earth: The Nature of Geographical Reality*, which was published in 1952. It was made possible by Edward Relf and his adapted version of the first chapter of the book, translated by him in 1973 and made available in 2022. The phenomenological disclosure of geographical space is considered in the meaning of human spatial behavior and the actualization of his interaction with the surrounding world as a way to penetrate into the essence of this process, where in endless transformation a person and the environment are forced to respond to each other’s challenges. A phenomenological view of geography actualizes aspects of migration and economic flows, flows of goods and information, including images of space into a single field of human life. As a result of the study of the work “Man and the Earth,” it was possible to identify the characteristic essences that Dardel endows space with: the communicative nature of the environment, its dynamism and direction, spatial depth and discreteness of the field.

Keywords: geographical space, phenomenology, Eric Dardel, natural and artificial habitats, human spatiality.

For citation: Grigorieva M. A. Phenomenological disclosure of geographical space by Eric Dardel. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 60–65. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-60-65>

С момента своего появления «географическое пространство» стало ощутимо отделяться от чистой протяженности, переставая значиться как поверхность, контейнер и, в конце концов, места, из которых мы отправляем открытку домой, и постепенно завоевывать позиции принципа, организующего его восприятие. Пространство, опозитизированное Гастоном Башляром [1], обследующим каждый уголок дома. Или пространство как проступающая глубина через погруженность в нее в определении Мориса Мерло-Понти [12]. Или – оно же – через прикосновение к нетронутой среде, обеспокоенной взаимодействием и конструированием из нее по-настоящему человеческого места, к которому обращается Отто Фридрих Боллоу [6, с. 33–34]. А также – через ландшафтное раскрытие провокативной основы пространства, приглашающего располагать собой, у Мартина Хайдеггера [3], и, наконец, через дискретность пространственной формы, к которой апеллирует Мишель Фуко [10], то есть ее «служебный» характер и оппозиционную направленность частного и публичного, культурного и утилитарного, рабочего и предназначенного для отдыха, – таким образом создается проекция феноменологического всматривания и поля для

дискуссий. Кроме того, что пространство становится социальным жилищем, по Зигмунту Бауману [4], на него устремляет свой взгляд – с позиции изучения перспектив и обустройства – архитектура и, в частности, Гернот Бёме [5].

Географическое пространство вырезано из материи и поэтому остро переживает плотское присутствие, возможное только благодаря фиксирующему и раскрывающему его содержанию движению. Перемещение позволяет «сцене», представленной нашему взгляду, меняться и давать пространству возможность быть воспринятым как нечто, в чем мы находимся. Именно изменения перспективы и попеременная фиксация рожают ощущение пространственности и ощущение плотского присутствия, в которую входят и промежутки, которые отделяют нас от вещей, в их гнетущей близости или в их мимолетной удаленности, обнаруживающие телесность вещей, форму, устройство и их предназначение. Несмотря на то, что картографическая локализация пространства равноценно характеризует местоположение, ощущение «где» в феноменологическом смысле в гораздо большей степени раскрывает условия нахождения.

Человеческая география¹, таким образом, пристально оценивающая человека и человеческое сообщество в пространственном поведении, а также – явления человеческого расселения и *рассеивания*, актуализирует проблему миграционных и связанных с ними экономических потоков, потоков товаров и информации, объединяя явления городов, поселков, деревень и т. д. в целое – организованное поле человеческой жизнедеятельности. Выведенное Камиллем Валло в 1911 году в первом томе его «Социальной географии» определение «географического пространства» как то, что снабжено «более или менее большим количеством физических характеристик, разнообразие и взаимопроникновение которых разворачивается перед нашими глазами на поверхности земли» [14], наделяет его метафизической сущностью, связывая положение отдельных его участков с ценностью для эксплуатации. Исчисление ценности чистого пространства как объекта стремления к экспансии обращено у Валло прежде всего к условиям, приводящим в движение цепь событий географических открытий и последующих колониальных завоеваний. Вместе с тем, введенное в оборот «географическое пространство» всё же не могло избавиться от топографических крючков своей привязанности к местности и сумело освободиться

¹ Человеческая география предлагается в определении Поля Видаля де ла Блаша, которое прозвучало в 1922 году в его работе «*Geographie Humaine*» [Vidal de la Blache. *Geographie Humaine / publiés d'après les manuscrits de l'Auteur par Emmanuel de Martonne, Avec 2 cartes en noir et 4 cartes en couleur hors texte; LIBRAIRIE ARMAND COLIN 103, Boulevard Saint-Michel. Paris, 1922. 328 p.*], собранной из многочисленных заметок его коллегой, профессором Сорбонны Эммануэлем де Мортонном и опубликованной спустя четыре года после смерти де ла Блаша. Чтобы представить общую картину эволюции мира, человеческая география устремляет взгляд прежде всего на факторы расселения человека и последующие метаморфозы, которые претерпевает «место» в его первоизданном облики. Из категории нетронутых место переходит в категорию обитаемое «человеческое место», где география призвана фиксировать признаки и степень вмешательства.

от них только в 1950-е годы, выйдя из-под пера Эрика Дарделя [7], незаслуженно забытого на три десятилетия – время, за которое, как отмечает Дмитрий Замятин, «географическое пространство стало как бы автоматически “разбухать”» [2, с. 26] под давлением насыщающих его образов и измерений.

С 1952 года работа Дарделя «Человек и Земля: природа географической реальности» была фактически утеряна, ожидая случая обрести вторую жизнь. В 2011 году, когда она была переиздана на португальском в переводе Вальтера Хольца [8] с французского языка, на котором она вышла двадцатью годами ранее, отдельные фрагменты книги стали получать новое прочтение, в том числе в формате рецензий и посвящений. Причиной, по которой она оставалась на библиотечной полке в неприкосновенной невинности, в предположении швейцарского профессора Клода Раффестена [13], послужили поэтизированный язык Дарделя, изобилующий метафорами, не дававшими восприятию беспрепятственно пробиться к содержанию «Земли», а также свежесть взгляда и уникальность наблюдений, вооружившись которыми он принялся изучать мир. Разумеется, это была бы единственная причина, если не считать того, что «Человек и земля» была опубликована в качестве главы по географии в сборнике «Новая философская энциклопедия» и весьма ограниченным тиражом. Впервые, как отмечает Вальтер Хольцер [11] в предисловии к португальскому изданию, книга была упомянута в 1961 году в исследовании Максимилиана Сорре, который входил в комиссию по оценке диссертации Дарделя. Спустя еще 12 лет в университетской библиотеке Торонто книгу обнаружил Эдвард Релф и дал отсылку к Дарделю в своем исследовании «Феномен места», а позже – в книге «Место и безместность», которая повела культурную географию в гуманистическом направлении, превратив «место» в центр и источник переживания пространства. Третья причина состояла в том, что с момента успешной защиты диссертации в 1941 году Дардель так и не дослужился до должности профессора университета, а это

означало, что его работа рассматривалась вне академического контекста того времени. В российских исследованиях упоминания об Эрике Дарделе или переводы его работ пока не нашли своего отражения.

Его языковая страсть, сформировавшаяся под влиянием Мартина Хайдеггера², а также под впечатлением (после знакомства с работами Гастона Башляра) Мориса Мерло-Понти, Жан-Поля Сартра, Эммануэля Левинаса, подпитывалась поэзией Фридриха Гельдлина и Перси Биши Шелли и стала фундаментом для глубокой интерпретации географии человеческого существования. В итоге дарделевское исследование было нацелено на то, чтобы расшифровать Землю и знаки, которыми она испещрена и усеяна, как полотно из текста, где сама «Земля – это письмо <...> с узорами береговой линии, очертаниями гор, извилистостью рек» [7, с. 2], а географ – читатель мира, позволяющий установиться связи между пространством и человеком.

Структурно, со слов Дэвида Эммануэль Мадейра Давима, [9] «Человек и Земля» разделена на две главы, первая из которых – «Географическое пространство» – объединяет геопозитические и эпистемологические усилия Дарделя сделать географию менее инертной и прикладной и сблизить ее с семиотикой. Вторая глава посвящена «Истории географии», где он прослеживает удивительную траекторию географического сознания в различных временных контекстах, начиная с древних обществ и заканчивая своим критическим анализом научной географии XIX века. Каким-то образом интуитивно обращаясь к глобальной концепции мира с содрогающей его тревогой в предчувствии лихорадки череды трансформаций и вынуждающей к аффективной борьбе с «тёмным фоном» окружающей природы» [7, с. 27], Дардель оказывается в центре человеческой географии,

то есть ее гуманистического направления, в которое позже откроет двери Эдвард Релф.

Чтобы как-то структурировать фрагментированное полотно работы «Человек и земля», можно выделить характерные сущности, которыми Дардель наделяет пространство. Прежде всего, это коммуникативность среды, произрастающая из провокативной основы пространства, по Мартину Хайдеггеру. Ощупывание Дарделем географии начинается с поиска им условий обитания, которые раскрывают разнообразие отношений между человеком и пространством и устанавливают, таким образом, язык, форму коммуникации, взаимообуславливающей связи, которую Дардель означает как «призыв» [7, с. 6], обращение или императив. Эту связь наше восприятие способно уловить и перевести. Этот приглашающий мотив уступчивой среды, сквозящий в ее природе, приглашающей человека воздействовать и располагать собой, можно найти в «Искусстве и пространстве» Хайдеггера [3]. И в то же время в кажущейся пассивности пространства скрыта его склонность к постоянной трансформации, изменчивости и направленности – движению и динамизму. В связи с чем вторая характерная позиция пространственности Дарделя – динамичность и направленность среды, сообразующаяся с концепцией «центра» Отто Фридриха Боллну и надстройки пространства из начальной «точки опоры» [6, с. 32], то есть дома, ко всем доступным направлениям. При этом дом противопоставлен расстоянию [6, с. 120], с утратой которого теряются отношения человека с пространством.

Географическая реальность – у Дарделя – в этом смысле так же отвечает динамическим условиям направления, расстояния и приближения (близости). Когда мы стремимся сделать вещи ближе, как он пишет, «нам необходимо ориентироваться, чтобы распознавать окружающую среду» [7, с. 3], поэтому человек без страны, как он говорит, это человек, который «дезориентирован» и колеблется, а значит – колеблется во всех смыслах, в том числе относительно направления, в котором

² Переводчиком Мартина Хайдеггера [с немецкого на французский] был зять Эрика Дарделя философ Анри Корбен, который приглашал его к обсуждениям в процессе своей работы над переводом.

следует двигаться. Направление и расстояние определяют ситуацию, под которой Дардель понимал стабильное и инертное место, предполагающее «фиксирующее место его существования» [7, с. 19].

Третья характеристика строится из пространственной глубины, которая раскладывается у Дарделя на «теллургическое» пространство, обеспечивающее свойства глубины, твердости и пластичности; «водное», в основе которого лежат ценности жизни и движение времени; «воздушное», отражающее эстетические ценности, символическое и эмоциональное измерения; и надстроенное «искусственное», представляющее собой ландшафт и исторический продукт, как результат взаимодействия трех остальных. Географическое пространство, дословно, «имеет горизонт, рисунок, цвет, плотность; оно твердое, жидкое или воздушное, широкое или узкое: оно ограничивает и сопротивляется» [7, с. 2]. Это трехмерное построение с его метафорической глубиной как первичного измерения природы появляется в «Феноменологии восприятия» Мерло-Понти, когда он обрушивается с критикой против декартовской «плоской» онтологии объекта, сводящей природу, в том числе пространственную, к чисто механической. Будь пространство действительно картографическим, то достичь абсолютного знания о нем, не составило бы труда, тем не менее мы не можем стоять перед ним, чтобы схватить его как «нечто известное» [12, с. 244]. Его глубина или расстояние в то же самое время демонстрируют углубление и дистанцирование, является тем самым условием, благодаря которому мы в итоге получаем и знание, и опыт обитания в пространстве. Поскольку оно предлагает нам ощутить не только препятствие, а сам способ доступа: мы познаем природу вещей не вопреки этой глубине, а благодаря ей.

Следующая позиция связана с дискретностью, к которой нас отсылает в «Поэтике пространства» Гастон Башляр, когда, вслед за ним мы, заполучив двойную порцию наблюдательности, ощущаем все уголки дома, в довершение обращаясь к комодам, шкафам, ящикам

стола и полкам. Тем временем Дардель работает «на открытом воздухе», поскольку встреча человека и земли незабываема: «Фиксировать движущееся, неуловимое, подчинять разуму то, что его переполняет и искушает, и все это одновременно, <...> выходя за рамки простой научной заботы о замерах температуры и солености» [7, с. 8]. Географ, который измеряет и вычисляет, приходит позже; вначале появляется тот, кому «земля открывает свое «лицо»: мореплаватель, высматривающий новые земли, исследователь в кустах, первооткрыватель, эмигрант или просто человек, истязаемый бурями, вулканическими извержениями, наводнениями. Существует первичное видение Земли, которое знание затем корректирует» [7, с. 9]. Наука начинается с видения, ослепления, созерцания, то есть, в конечном счете, с погружения в пространственный поток, позволяющий по отдельным приметам расшифровать его и интерпретировать: «Север – это не только направление, подобное любому другому, но и область нашего воображения или нашей памяти, это ветер, холод, мороз, враждебные моря, бедные почвы» [7, с. 8], закаляющие выносливость. В то время, как ленивый, но дружелюбный Юг с его солнцем, огненным небом и каменистыми кустарниками, оплодотворенными водой, готов идти на любые уступки.

В области аффективной географии Дардель всё сильнее попадает под влияние пространственных образов и не хочет их отпускать, поскольку из тактильных ощущений и «визуального их проявления» [7, с. 21] в конце концов они материализуются в идеи и понятия. Колебания Дарделя между географией под открытым небом и научной географией вечны, так же как «научная география в определенном смысле является противоположностью географическим открытиям, которые требуют усилия воли, вкуса к риску, определенной открытости к радости или удовольствию от исследователя» [13, с. 475]. Дардель был бы скорее Маленьким принцем Сент-Экзюпери, чем географом; он был бы почти готов пожертвовать твердостью знания ради удовольствия от опыта.

В заключение, с тех пор как география вошла в учебный класс, она утратила свою цветущую пышность и стремление навстречу неизвестности, и в общем всякую связь с первым робким каботажным плаванием и последующим отчаянным кругосветным путешествием. И феноменологический взгляд Эрика Дарделя, наконец, впервые с тех пор, как география успела обратиться в плоское полотно атласа с аккуратными нанесенными на поверх-

ности указаниями высоты и протяженности, оживляет географическое пространство, через которое можно разглядеть связь не только с человеческим телом, а увидеть условие коммуникации между плотью мира и плотью человека; движение, способствующее формированию пространства и социальной жизни, пространственную глубину, полагающуюся на чувственное восприятие и уединенность «места», вписанного в глобальную географию.

Список литературы

1. Башиляр Г. Поэтика пространства / пер. с фр. Н. Кулиш. Москва: Ad Marginem, 2014. 352 с.
2. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. Москва: Знак, 2006. 488 с.
3. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в.: Сб. статей / пер. Вл. Бибикина. Москва, 1979. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibikhin.ru/iskusstvo_i_prostranstvo
4. Bauman Z. Desert spectacular // The Flaneur (RLE Social Theory) / Ed. by Keith Tester. Routledge, 2014. 216 p. Pp. 138–157.
5. Böhme G. Les atmosphères comme objet de l'architecture // Les Cahiers philosophiques de Strasbourg. 2019. № 46. URL: <http://journals.openedition.org/cps/3435>
6. Bollnow O. F. Human space / translated by Christine Shuttleworth, edited by Joseph Kohlmaier. London: Hyphen Press, 2011. 158 p.
7. Dardel E. Man and the Earth: the nature of geographical reality [L'Homme et la Terre: Nature de la Réalité Géographique] (published by Presses Universitaires de France in 1952, translated by Edward Relph in 1973 with revisions in 2022). 30 p.
8. Dardel É. O Homem e a Terra: natureza da realidade geográfica / trad. Werther Holzer. – São Paulo: Editora Perspectiva, 2011.
9. Davim D. E. M. O homem e a terra: natureza da realidade geográfica // Revista da Abordagem Gestáltica. 2016. № 22(2). Pp. 249–252. URL: http://pepsic.bvsalud.org/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1809-68672016000200020&lng=pt&tlng=pt
10. Foucault M. Des espaces autres // Empan. 2004. № 54. No2. Pp. 12–19. DOI: 10.3917/empan.054.0012.
11. Malanski L. M. Éric Dardel – O homem e a terra: natureza da realidade geográfica // Terr@ Plural, Ponta Grossa. 2015. V. 9. N1. Pp. 135–142.
12. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception / trans. Colin Smith. New York: Routledge & Kegan Paul Ltd, 2005. 544 p.
13. Raffestin C. Pourquoi navons-nous pas lu Éric Dardel? // Cahiers de géographie du québec. 1987. Vol. 31. No 84. Pp. 471–481.
14. Vallaux C. Le Sol et L'État. Paris: Octave Doin et Fils, 1911. 420 p. Pp. 145–146.

*

Поступила в редакцию 01.08.2023